

УДК 811.111

ОСНОВАНИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ПОЛИТКОРРЕКТНОГО СОВРЕМЕННОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА (НА МАТЕРИАЛЕ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА)

Тамара П. Карпухина^{1, @1}, Наталья В. Кузнецова^{1, @2}

¹Педагогический институт Тихоокеанского государственного университета, Россия, 680000 г. Хабаровск, ул. Карла Маркса, 68

@1 tkarpukhina1@mail.ru

@2 kunavla@mail.ru

Поступила в редакцию 26.01.2017.
Принята к печати 23.05.2017.

Ключевые слова: дискурс, политкорректность, социология, гносеология, культурология, лингвистика, языковой знак.

Аннотация: Объектом исследования является современный политический дискурс. Предмет изучения составили социологические, культурологические, гносеологические и лингвистические основания формирования политкорректности в современном политическом дискурсе. В статье доказывается, что социологические основания формирования политкорректности в политическом дискурсе обусловлены процессом развития самого общества. Культурологическим основанием формирования политкорректности является оппозиция «свой / чужой» в политическом дискурсе. Важнейшую роль в политическом дискурсе играет гносеологическая, относящаяся к процессу познания, оппозиция «истина / ложь», где истина представляет собой адекватное отражение объективной реальности познающим субъектом, а ложь – это преднамеренное возведение заведомо неправильных представлений в истину. Лингвистические основания формирования политкорректности базируются на трактовке била-теральной природы языкового знака, осуществляющего важнейшую функцию означивания действительности. Асимметрический дуализм языкового знака, произвольный характер связи означаемого и означающего позволяет идеологам политкорректности создавать разные наименования для одного и того же внеязыкового содержания – денотата, – который является по тем или иным причинам социально неприемлемым.

Для цитирования: Карпухина Т. П., Кузнецова Н. В. Основания формирования политкорректного современного политического дискурса (на материале французского языка) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2017. № 3. С. 180–186. DOI: 10.21603/2078-8975-2017-3-180-186.

Настоящая статья является продолжением диссертационного исследования, посвященного феномену политкорректности в современном французском политическом дискурсе. В рамках данной статьи представляется интересным провести детальный анализ оснований формирования политкорректного современного политического дискурса.

Актуальность темы обусловлена все возрастающим интересом лингвистов к политическому дискурсу, оказывающему все большее влияние на жизнь общества.

Новизна анализируемой работы заключается в том, что в ней проведено комплексное исследование социологических, культурологических, гносеологических и лингвистических оснований формирования политкорректности в современном политическом дискурсе.

В настоящей работе наряду с использованием лингвистических методов анализ языкового материала осуществляется с учетом положений, разработанных в рамках таких научных дисциплин, как социология, культурология, гносеология, история. Основополагающим методом является метод дискурс-анализа, цель которого – выявление и объяснение связи власти, политики и языка [1, с. 4].

Е. И. Шейгал отмечает диалогический характер политического дискурса: «Основу политического дискурса, который представляет собой поле битвы, составляет

непрекращающийся диалог – поединок между «партией власти» и оппозицией, в котором противники время от времени нападают друг на друга, держат оборону, отражают удары и переходят в наступление» [2, с. 233].

В. З. Демьянков, соглашаясь с военной метафорой политического дискурса, предложенной Е. И. Шейгал, утверждает, однако, что он «не нацелен на диалог. <...> Политический дискурс, чтобы быть эффективным, должен строиться в соответствии с определенными требованиями военных действий» [3, с. 41]. Фундаментальным, определяющим признаком политического дискурса является интенция борьбы за власть [2, с. 128].

Властный характер политического дискурса подчеркивал французский теоретик М. Фуко, согласно мнению философа властная сила дискурсов состоит в заключенных в них правилах и запретах, направленных на подавление всего, что не соответствует принятым в определенном сообществе нормам [4, с. 69].

Хорошо построенный политический дискурс внушает адресатам – гражданам сообщества – необходимость «политически правильных» действий и / или оценок. Иначе говоря, целью политического дискурса является не описание (то есть не референция), а побуждение адресата к действию [5, с. 104], для чего необходимо сформировать определенное поведение человека. Огромную роль в этом играет манипулирование мнением, сознанием лю-

дей, что приобрело в настоящее время «неизмеримо большее влияние на развитие общества» [6] в сравнении с прежними социально-историческими условиями.

Политический дискурс, который выстраивается властью, «характеризуется манипулятивностью, что является необходимым условием для достижения его целей и задач» [7, с. 64]. Особым образом выстроенное высказывание на понятном человеку языке способно проникнуть в его внутренний мир и воздействовать на его поступки [8, с. 145], а значит, в определенной мере осуществить манипуляцию.

Ведущую роль в осуществлении манипуляции в политическом дискурсе играет политкорректность, прокламируемая Западом как важнейшая общественная ценность, которая активно внедряется в дискурсивную практику.

Тер-Минасова определяет политкорректность как «очищенный», «правильный» вариант языка, который исключает или сводит к минимуму дискриминацию некоторых групп, находящихся в невыгодном социальном положении [9, с. 216]. В каждой стране имеются лингво- и социокультурные предпосылки, которые либо способствуют, либо наоборот препятствуют формированию языка политкорректности [10, с. 203].

Р. В. Холдер характеризует политкорректность, присущую современной западной политической культуре, как «поведенческое или языковое подчинение взглядам, которые считаются непреложной истиной» [11, с. 306]. Автор указывает, что политическая корректность может превратиться в фашизм, если выйдет за рамки разумного. Он обращает внимание на сложность определения того, что является корректным, и замечает, что все зависит от «составителей правил». Корректность, по его мнению, является относительным явлением.

Узкое толкование политкорректности представлено, например, в словаре *Random House Webster's Dictionary*, авторы которого специфицируют социально значимые сферы, которые требуют политкорректности, подчеркивая, что политическая корректность означает приверженность прогрессивным общепринятым взглядам по вопросам, касающимся расы, пола и сексуальной ориентации [12].

Узкого толкования политкорректности придерживается также авторитетный французский толковый словарь Ларусс, который акцентирует императивный характер политкорректности, безусловно требующий запрета оскорбительного отношения к социальным группам, представляющим меньшинство: «Политкорректность – это дискурс, поведение, целью которого является запрет на все то, что могло бы оскорбить членов разных категорий и групп, представленных в меньшинстве, заставляя их чувствовать себя неполноценными» [13].

Узкое понимание политкорректности содержится также в следующем высказывании: «В политкорректном обществе речь декорируется знаками антирасизма, экологизма, терпимого отношения к национальным меньшинствам» [14, с. 279–280].

Полагаем, однако, что феномен политкорректности не может быть сужен только до понятия запрета ущемлять достоинство представителей некоторых меньшинств. Представляется, что политкорректность в политическом дискурсе касается всех тех сфер, где

сталкиваются интересы разных групп общества по вопросу о том, что считать истиной, ложью, кого считать «своим», а кого «чужим». Иными словами, мы считаем, что критерием, определяющим политкорректность, являются привативные бинарные оппозиции «свой/чужой», «истина/ложь». В соответствии с тем, какой член оппозиции выбирается в качестве «эталонной» точки отсчета, корректируется и языковой код, изменяется соответствующая языковая норма.

Политкорректность представляет собой лингвоповеденческий, социокультурный, идеологический феномен, зародившийся и укоренившийся в либеральном западном обществе, определяющийся языковыми нормами, принятыми в обществе, регулируемые на уровне государства и проводимыми провластными СМИ. Основная цель, которую преследуют идеологи политкорректности, заключается, по их словам, в том, чтобы минимизировать дискриминацию определенных групп населения, представляющих в обществе меньшинство.

Обратимся к *социологическим основаниям*, повлекшим за собой появление, становление и укоренение политкорректности в современном западном обществе.

Политкорректность во французском обществе имеет исторические корни, которые можно усмотреть в аристократическом прециозном течении, зародившемся в XVII в., в эпоху Франсуа де Малерба. Французское высшее общество отказывалось произносить некоторые слова, пытаясь таким образом очистить язык от просторечной лексики. Период интенсивного создания лексики в салонах переходит в учрежденную в 1636 г. Французскую Академию.

В 1647 г. один из учредителей Академии и руководителей составления Академического словаря Клод Фавр де Вожа (Claude Vaugelas) опубликовал свои заметки о французском языке, отметив разницу между языком народа (*la langue du peuple*) и языком элиты (*la langue de l'élite*).

В 1650 г. был введен термин *précieuses* (*нуриски*) для обозначения течения, созданного женщинами-аристократками, использовавшими салонную лексику.

Дальнейшее регулирующее вмешательство в жизнь языка способствовало появлению так называемого «деревянного языка». Термин *langue de bois* – «деревянный язык» восходит к XIX в. Французский лингвист Франсуаза Том (*Françoise Thom*) отмечает, что «деревянный язык» назывался также «дубовым языком» (*langue de chêne*).

Начиная с 1970 г. «деревянный язык» обрастает пропагандистскими коннотациями, которые он впоследствии сохраняет. С лингвистической точки зрения «деревянный язык» характеризуется следующими качествами: деперсонификацией, эпитетностью, развитой лозунговостью, повторением [15].

Начиная с 90-х гг. XX в. в связи с нарастанием присутствия в Республике выходцев из стран Африки политической элитой Франции продвигается заимствованная из США идеология мультикультурализма, которая потребовала политкорректного языка, учитывавшего интересы представителей всех национальностей и социальных сословий.

С изменением общества политический дискурс также меняется, пропагандируя те ценности, которые ранее были чуждыми французскому обществу в целом. В на-

стоящее время во Франции, большинство граждан которой были верующими католиками, насаждается светскость в противовес традиционной христианской вере.

Для обозначения системы правления Французской республики политики используют прилагательное *laïque*, которое обозначает форму правления, не определяемую духовенством и не получающую от него приказы: *qui ne fait pas partie du clergé, qui n'a pas reçu les ordres de cléricature* <...> [13]. Так, Франсуа Олланд в своем высказывании подчеркивает, что светскость представляет собой совокупность правовых норм, исполняемых как государством, так и гражданами:

(1) La laïcité est un ensemble de règles de droit. C'est avant tout un principe de neutralité qui s'impose à l'État mais aussi aux citoyens qui doivent la respecter [16].

Светскость является совокупностью правовых норм, налагаемых на государство и на граждан, которые должны их уважать (прим. авторов: перевод наш).

Таким образом, во Франции, бывшей на протяжении многих столетий католической страной, насаждается светскость, являющаяся отражением политики, проводимой французскими идеологами политкорректности.

Культурологическим основанием формирования политкорректности в западном политическом дискурсе является, на наш взгляд, оппозиция «свой / чужой».

Разделение на «своих» и «чужих» означает то, что люди ориентируются не только на личные, но и на коллективные (государственные, классовые) ценности; «другие» рассматриваются через призму «своих» законов, правил, поэтому «другие» могут быть средством или помехой к удовлетворению своих интересов [3, с. 17].

Противопоставление «своих» «чужим» предполагает различия между ними, которые преподносятся как непреодолимые и обязательно влекущие за собой конфликт и нетерпимость друг к другу [17, с. 253]. Указанное противопоставление находит свое проявление и в политической жизни общества. Так, Тен ван Дейк отмечает, что «любые преобразования, в том числе и осуществляемые в области политики, всегда опираются на базовую семиотическую оппозицию политического дискурса «свой / чужой» [18, с. 271].

На наш взгляд, именно эта оппозиция заложена в фундамент политкорректности. В политическом дискурсе положительная саморепрезентация обычно сочетается с отрицательной репрезентацией или умалением заслуг другого [19, с. 243].

Приведем в пример высказывания политиков, представляющие пример отрицательной репрезентации мусульман Франции и иммиграции:

(2) Le jour où il y aura autant de minarets que de cathédrales en France, ça ne sera plus la France [20].

В день, когда во Франции будет одинаковое число минаретов и соборов, это уже будет не Франция (прим. авторов: перевод наш).

(3) Les Français, à force d'immigration incontrôlée, ont parfois le sentiment de ne plus être chez eux, ou bien ils ont le sentiment de voir des pratiques qui s'imposent à eux et qui ne correspondent pas aux règles de notre vie sociale. Nos compatriotes veulent choisir leur mode de vie, ils ne veulent pas qu'on leur impose un mode de vie [21].

В этих неконтролируемых потоках иммиграции Французы иногда чувствуют, что они уже не у себя

дома, или им кажется, что в их стране приводятся в действия нормы, не соответствующие правилам социальной жизни. Наши соотечественники желают выбрать свой образ жизни, они не хотят, чтобы им его навязывали (прим. авторов: перевод наш).

Данные высказывания видных политических деятелей Франции имеют конкретную цель, а именно сформировать границы между «своими – хорошими» и «чужими – плохими» таким образом, чтобы у французского общества было четкое представление о том, что, например, иммиграция и мусульмане, проживающие на территории Франции – это всегда плохо.

Гносеологическим основанием формирования политкорректности во французском политическом дискурсе является оппозиция «истина / ложь».

Истина представляет собой «адекватное отражение объективной реальности познающим субъектом, воспринимающее познаваемый предмет так, как он существует вне и независимо от сознания» [22, с. 125]. «Истина» имеет свое основание вне субъекта, в реальном предмете; «Предметная реальность есть первый необходимый признак, *condition sine que non* истины» [23, с. 597–599].

Ложь в отличие от истины – это «преднамеренное возведение заведомо неправильных представлений в истину. Ложь – заявление, рассчитанное на обман, когда говорящий умалчивает или искажает то, что он знает о рассматриваемом положении вещей, либо когда он знает нечто другое, чем то, что он говорит» [24, с. 247].

В одном из своих интервью депутат национальной ассамблеи Пьер Лелуш заявил, что «Франция не имеет призвания принимать 2,5 миллионов румынских цыган или 9 миллионов европейских цыган»:

(4) La France n'a pas vocation à accueillir les 2,5 millions de Roms roumains, ou les 9 millions de Roms européens [25].

Истина, то есть в данном случае нежелание Франции принимать у себя всех цыган, желающих проживать на ее территории, камуфлируется эвфемистичной перифразой *avoir vocation* – «иметь призвание», взывающей к благородным эмоциям и ложному представлению о том, что Франция просто не имеет призвания привечать у себя всех, кто нуждается в убежище.

Говоря о *лингвистических основаниях* формирования политкорректных наименований, используемых в политическом дискурсе, нельзя обойти вниманием вопрос о языковом знаке как основе всякого означивания действительности.

Большую роль в разработке понятия знака сыграло развитие христианского богословия в Средние века. Именно в этот период в христианском контексте споров между реалистами и номиналистами возникает классическое определение знака как чувственно воспринимаемого явления, служащего для обозначения чего-либо другого, которое замещается этим знаком.

Отзвук идеи о заместительной функции знака слышится в определении Чарльза Пирса, который характеризовал знак как «что-то, способное для кого-то в некоторых ситуациях быть заместителем чего-то иного» [26, с. 74].

Реализация функции замещения становится возможной благодаря двойственной, бинарной природе знака, которую четко сформулировал Ф. де Соссюр. Швейцар-

ский лингвист утверждал, что «единица языка есть нечто двойственное, образованное из соединения двух компонентов. Языковой знак связывает не вещь и ее название, а понятие и акустический образ (означаемое и означающее)» [27, с. 99]. О неразложимом единстве этих двух сторон знака, означаемого и означающего, писали еще стоики [28, с. 87]. Различие сторон знака подчеркивает Ж. Деррида, который говорит о том, что слово и обозначающее им понятие никогда не могут быть одним и тем же, поскольку то, что обозначается, никогда не присутствует, не «наличествует» в знаке [29, с. 42].

Рассуждая о политкорректности, следует вернуться также к ставшей классической работе С. И. Карцевского об асимметрическом дуализме языкового знака. Карцевский писал: «Большинство слов предназначено не к тому, чтобы определять и называть, но к тому, чтобы описывать, взывать к нашему воображению, быть экспрессивными. Поэтому слова имеют по несколько значений <...>. Потенциально слово имеет $n + 1$ значений... И обратно: любое значение может быть выражено несколькими способами». Отметим также существенную в этой работе и нетрадиционную для первой половины XX в. мысль: «Мы понимаем и высказываемся «приблизительно»; лица говорящие этого не замечают» [30].

Все сказанное удивительным образом преломляется в феномене политкорректности. Начнем с первого утверждения о значимости в процессе номинации учета прагматического аспекта, а именно отношения человека к обозначаемому, что проявляется в экспрессивности наименования, оставляющего эмоциональный след в душе человека. Это объясняет, почему имеющиеся в языке обозначения, отражающие суть явления, но приобретшие негативные коннотации, заменяются на другие, которые своей внутренней формой передают положительный образ.

В качестве примера переобозначения слова возьмем существительное *délinquant* (*преступник, правонарушитель*) и политкорректный эвфемизм – существительное *des jeunes*, образованное посредством субстантивации прилагательного, обозначающее молодых иммигрантов:

(5) *A Amiens, les policiers ont saisi des fusils à pompe, des munitions, des calibres 44. Et, il ont arrêté deux jeunes, Kamel K et Narredine B, bien connus des services de police* [31].

В Амьене полиция конфисковала пневматическое оружие, боеприпасы, калибры 44, арестовав двух молодых людей, Камеля К и Нарредина Б, хорошо уже известных полиции (прим. авторов: перевод наш).

Переосмысление прямого значения основано на смежности связанных понятий: иммигрантов Камеля К и Нарредина Б метонимически называют молодыми по одному из присущих им признаков – их молодости.

Литература

1. Кузнецова Н. В. Феномен политкорректности в современном политическом дискурсе: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Улан-Удэ, 2017. 23 с.
2. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса: дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2000. 326 с.
3. Демьянков В. З. Текст и дискурс как термины и как слова обыденного языка // Язык. Личность. Текст. М.: Языки славянских культур, 2005. С. 34–55.
4. Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. М.: Касталь, 1996. 448 с.

Этот эвфемизм являет собой яркий пример сужения денотативного значения, когда более широкое понятие молодости соотносится с отдельной группой людей. Прямая номинация заменяется косвенной, употребление политкорректного эвфемизма *des jeunes* позволяет избежать указания на этническую принадлежность, воспринимаемую как дискриминацию по национальному признаку, и обозначить лишь юный возраст иммигрантов.

Однако при более внимательном прочтении мы видим явный пример расхождения между политкорректным эвфемизмом и общим смыслом высказывания, касающегося проблемы преступности среди молодежи. Юные преступники, обозначаемые политкорректным эвфемизмом *des jeunes*, называются своими именами, хранят оружие, боеприпасы, они известны полиции, то есть не в первый раз они нарушают закон, являясь, таким образом, постоянными правонарушителями. Формально политкорректное слово на деле не меняет смысл высказывания, а лишь затемняет истинное значение слова *délinquant* (*преступник, правонарушитель*).

Итак, социологические основания формирования политкорректности в современном французском политическом дискурсе коренятся в развитии самого общества. Исторической предпосылкой политкорректности является прециозное течение женщин-аристократок, очищавших речь от простонародных слов и выражений, что способствовало углублению непонимания между простым народом и элитой, демонстрировавшей свое превосходство над бедным населением.

В основании политкорректности заложены культурологическая оппозиция «свой / чужой», гносеологическая оппозиция «истина / ложь». Противопоставленные члены этих бинарных оппозиций трактуются как относительные понятия, позволяющие маркировать инокультурные, чужеродные группы как «своих», замаскировать негативные явления действительности в целях сохранения и удержания власти правящими кругами.

Лингвистическими основаниями формирования политкорректности являются особенности языка как результата деятельности человека по означиванию внеязыковой действительности. Политкорректность базируется на произвольном характере языкового знака, стороны которого – означаемое и означающее – не связаны друг с другом прямолинейной, односторонней, принудительной зависимостью. Политкорректность опирается на асимметричность означающего и означаемого, что позволяет идеологам политкорректности создавать разные наименования для одного и того же денотата, однако иногда встречаются примеры расхождения между политкорректным эвфемизмом и общим смыслом высказывания.

5. Bayley P. Live Oratory in the Television Age: The Language of Formal Speeches // Campaign Language: Language, Image, Myth in the U.S. Presidential Elections 1984. Bologna: Cooperativa Libreria Universitaria Editrice Bologna, 1985. P. 77–174.
6. Кашей Н. А. Современная риторика в социально–политическом взаимодействии: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Великий Новгород, 2005. 275 с.
7. Бажалкина Н. С. Роль афористики в политическом дискурсе // Вестник Московского государственного областного университета. 2009. № 3. С. 63–66.
8. Юрковская Е. А. Манипуляции в дискурсе редакторской статьи: косвенная директивность // Аргументация vs. Манипуляция. Иркутск: ИГЛУ. 2009. С. 144–156.
9. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация. М.: Слово, 2000. 264 с.
10. Майб В. В. Рецепция политкорректности в русской лингвокультуре // Евразийская лингвокультурная парадигма и процессы глобализации: история и современность: тр. 2-й междунар. науч. конф. Пятигорск: ПГЛУ, 2011. С. 202–207.
11. Holder R. W. How not to Say What you Mean. A Dictionary of Euphemisms. Oxford: Oxford Univ. Press, 2003. 501 p.
12. RHWD – Random House Webster's Dictionary – Random House, Inc, 1993. 792 p.
13. Larousse. Dictionnaire français en ligne, 2013 Режим доступа: <http://www.larousse.fr/dictionnaires/francais-monolingue> (дата обращения: 04.09.2013).
14. Комлев Н. Г. Словарь иностранных слов. М.: Эксмо, 2006. 672 с.
15. Философский энциклопедический словарь. М.: Инфра–М, 2001. 576 с.
16. Absalon J. L'islam peut-il s'accommoder de la laïcité? Ma réponse est oui // RTL. 08.09.2016. Режим доступа: <http://www.rtl.fr/actu/politique/francois-hollande-l-islam-peut-il-s-accommoder-de-la-laicite-ma-reponse-est-oui-7784780766> (дата обращения: 21.09.2016).
17. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М.: КомКнига, 2006. 288 с.
18. Дейк ван Т. А. Язык. Познание. Коммуникация. М.: Прогресс, 1989. 412 с.
19. Дейк ван Т. А. Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации. М.: ЛИБРОКОМ, 2013. 344 с.
20. Berra N. Le jour où il y aura autant de minarets que de cathédrales en France, ça ne sera plus la France // LePoste. 22.12.2009. Режим доступа: http://archives-lepost.huffingtonpost.fr/article/2009/12/22/1853694_qui-a-dit-le-jour-ou-il-y-aura-autant-de-minarets-que-de-cathedrales-en-france-ca-ne-sera-plus-la-france.html (дата обращения: 11.01.2017).
21. Robert-Diard P. Immigration incontrôlée: tollé après une phrase de Guéant // Le Monde. 18.03.2011 Режим доступа: http://www.lemonde.fr/politique/article/2011/03/17/immigration-incontrolee-tolle-apres-une-phrase-de-gueant_1494904_823448.html (дата обращения: 11.01.2017).
22. Лотман Ю. М. Карамзин. «Сотворение Карамзина». Заметки и рецензии. СПб.: Искусство–СПб, 1997. 832 с.
23. Краткий философский словарь / под ред. А. П. Алексеева. М.: Проспект, 2000. 400 с.
24. Пирс Ч. С. Избранные философские произведения. М.: Логос, 2000. 448 с.
25. Lellouche P. La France n'a pas vocation à accueillir 9 millions de Roms // Le Parisien. 05 août 2010. Режим доступа: <http://www.leparisien.fr/faits-divers/la-france-n-a-pas-vocation-a-accueillir-9-millions-de-roms-05-08-2010-1022431.php> (дата обращения: 21.09.2016).
26. Колосов С. А. Манипулятивные стратегии дискурса ненависти // Критика и семиотика. 2004. Вып. 7. С. 248–256.
27. Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики // Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1977. 695 с.
28. Соловьев В. С. Сочинения. В 2-х. т. М.: Мысль, 1988. Т. 1. 892 с.
29. Деррида Ж. О грамматологии. М.: Ad Marginem, 2000. 540 с.
30. Карцевский С. О. Об асимметричном дуализме лингвистического знака // Звегинцев В. А. История языкознания XIX–XX веков в очерках и извлечениях. М.: Просвещение, 1965. 3-е изд. Ч. 2. С. 85–93.
31. Moréas G. Le fusil à pompe dans la police: une longue histoire // Le Monde. 09.12.2011. Режим доступа: <http://moreas.blog.lemonde.fr/2011/12/09/le-fusil-a-pompe-dans-la-police-une-longue-histoire/> (дата обращения: 23.09.2016).

THE BASIS OF THE POLITICALLY CORRECT MODERN POLITICAL DISCOURSE IN THE FRENCH LANGUAGE

Tamara P. Karpukhina^{1, @1}, Natalia V. Kuznetsova^{1, @2}

¹ Pacific National State University, Pedagogical Institute, 68, Karl Marx St., Khabarovsk, Russia, 680000

@1 tkarpukhina1@mail.ru

@2 kunavla@mail.ru

Received 26.01.2017.

Accepted 23.05.2017.

Keywords: discourse, political correctness, sociology, epistemology, cultural studies, linguistics, linguistic sign.

Abstract: The object of the investigation is modern political discourse. The research is focused on the sociological, cultural, epistemological and linguistic bases of formation of political correctness in the modern political discourse. It is proved that the sociological base of the formation of political correctness in the political discourse is determined by the process of social development. The basis of political correctness formation is represented by the opposition "us / them" in political discourse. The most important role in the political discourse is played by an epistemological, cognitive opposition "true / false", where the truth is an adequate reflection of the objective reality of the knower, and the lie is a deliberate substitution of the truth by a misconception. The linguistic bases of formation of political correctness are based on the interpretation of the bilateral nature of the linguistic sign that performs a crucial function of designation. The asymmetric duality of the linguistic sign, as well as the arbitrary nature of the relationship of the signified and the signifier allows the ideologists of political correctness to create different names for one and the same extra-linguistic content, or denotation, that is socially unacceptable, for some reason.

For citation: Karpukhina T. P., Kuznetsova N. V. Osnovaniia formirovaniia politkorrektного sovremennogo politicheskogo diskursa (na materiale frantsuzskogo iazyka) [The Basis of the Politically Correct Modern Political Discourse in the French Language]. *Bulletin of Kemerovo State University*, no. 3 (2017): 180–186. (In Russ.) DOI: 10.21603/2078-8975-2017-3-180-186.

References

1. Kuznetsova N. V. *Fenomen politkorrektnosti v sovremennom politicheskom diskurse*. Avtoref. diss. cand. filol. nauk [The phenomenon of political correctness in contemporary political discourse. Cand. philol. Sci. Diss. Abstr.]. Ulan-Ude, 2017, 23.
2. Sheigal E. I. *Semiotika politicheskogo diskursa*. Avtoref. diss. doctora filol. nauk [The semiotics of political discourse. Dr. philol. Sci. Diss. Abstr.]. Volgograd, 2000, 326.
3. Dem'iankov V. Z. *Tekst i diskurs kak terminy i kak slova obydenного iazyka* [Text and discourse as terms and as words of everyday language]. *Iazyk. Lichnost'. Tekst* [Language. Personality. Text]. Moscow: Iazyki slavianskikh kul'tur, 2005, 34–55.
4. Fuko M. *Volia k istine: po tu storonu znaniia, vlasti i seksual'nosti* [The will to truth: beyond knowledge, power and sexuality]. Moscow: Kastal', 1996, 48.
5. Bayley P. Live Oratory in the Television Age: The Language of Formal Speeches. *Campaign Language: Language, Image, Myth in the U.S. Presidential Elections 1984*. Bologna: Cooperativa Libreria Universitaria Editrice Bologna, 1985, 77–174.
6. Kashchei N. A. *Sovremennaia ritorika v sotsial'no-politicheskom vzaimodeistvii*. Avtoref. diss. doctora filos. nauk [Modern rhetoric in socio-political interaction. Dr. philos. Sci. Diss. Abstr.]. Velikii Novgorod, 2005, 275.
7. Bazhalkina N. S. Rol' aforistiki v politicheskom diskurse [The role of aphorism in political discourse]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvenного oblastnogo universiteta = Bulletin of the Moscow State Regional University*, no. 3 (2009): 63–66.
8. Iurkovskaia E. A. Manipuliatsii v diskurse redaktorskoii stat'i: kosvennaia direktivnost' [Manipulations in the discourse of the editorial article: indirect directives]. *Argumentatsiia vs. Manipuliatsiia* [Argument vs. Manipulation]. Irkutsk: IGLU, 2009, 144–156.
9. Ter-Minasova S. G. *Iazyk i mezhkul'turnaia kommunikatsiia* [Language and intercultural communication]. Moscow: Slovo, 2000, 264.
10. Maiba V. V. Retseptsiiia politkorrektnosti v russkoi lingvokul'ture [Reception of political correctness in Russian linguoculture]. *Evraziiskaia lingvokul'turnaia paradigma i protsessy globalizatsii: istoriia i sovremennost': tr. 2-I mezhdunar. nauch. konf.* [Eurasian linguocultural paradigm and the processes of globalization: history and modernity: Proc. 2th Int. Sc.-Prac. Conf.]. Piatigorsk: PGLU, 2011, 202–207.
11. Holder R. W. *How not to Say What you Mean. A Dictionary of Euphemisms*. Oxford: Oxford Univ. Press, 2003, 501.
12. *RHWD – Random House Webster's Dictionary – Random House, Inc*, 1993, 792.
13. *Larousse. Dictionnaire français en ligne, 2013*. Available at: <http://www.larousse.fr/dictionnaires/francais-monolingue> (accessed 04.09.2013).

14. Komlev N. G. *Slovar' inostrannykh slov* [Dictionary of foreign words]. Moscow: Eksmo, 2006, 672.
15. *Filosofskii entsiklopedicheskii slovar'* [Philosophical encyclopedic dictionary]. Moscow: Infra-M, 2001, 576.
16. Absalon J. L'islam peut-il s'accommoder de la laïcité? Ma réponse est oui. *RTL*. 08.09.2016. Available at: <http://www.rtl.fr/actu/politique/francois-hollande-l-islam-peut-il-s-accommoder-de-la-laicite-ma-reponse-est-oui-7784780766> (accessed 21.09.2016).
17. Issers O. S. *Kommunikativnye strategii i taktiki russkoi rechi* [Communicative strategies and tactics of Russian speech]. Moscow: KomKniga, 2006, 288.
18. Deik van T. A. *Iazyk. Poznanie. Kommunikatsiia* [Language. Cognition. Communication]. Moscow: Progress, 1989, 412.
19. Deik van T. A. *Diskurs i vlast': Reprezentatsiia dominirovaniia v iazyke i kommunikatsii* [Discourse and Power: Representation of Domination in Language and Communication]. Moscow: LIBROKOM, 2013, 344.
20. Berra N. Le jour où il y aura autant de minarets que de cathédrales en France, ça ne sera plus la France. *LePoste*. 22.12.2009. Available at: http://archives-lepost.huffingtonpost.fr/article/2009/12/22/1853694_qui-a-dit-le-jour-ou-il-y-aura-autant-de-minarets-que-de-cathedrales-en-france-ca-ne-sera-plus-la-france.html (accessed 11.01.2017).
21. Robert-Diard P. Immigration incontrôlée: tollé après une phrase de Guéant. *Le Monde*. 18.03.2011. Available at: http://www.lemonde.fr/politique/article/2011/03/17/immigration-incontrolee-tolle-apres-une-phrase-de-gueant_1494904_823448.html (accessed 11.01.2017).
22. Lotman Iu. M. *Karamzin. «Sotvorenie Karamzina». Zametki i retsenzii* [The creation of Karamzin. Notes and reviews]. Saint-Petersburg: Iskustvo-SPb, 1997, 832.
23. *Kratkii filosofskii slovar'* [Brief philosophical dictionary]. Ed. A. P. Alekseeva. Moscow: Prospekt, 2000, 400.
24. Pirs Ch. S. *Izbrannye filosofskie proizvedeniia* [Selected philosophical works]. Moscow: Logos, 2000, 448.
25. Lellouche P. La France n'a pas vocation à accueillir 9 millions de Roms. *Le Parisien*. 05 août 2010. Available at: <http://www.leparisien.fr/faits-divers/la-france-n-a-pas-vocation-a-accueillir-9-millions-de-roms-05-08-2010-1022431.php> (accessed 21.09.2016).
26. Kolosov S. A. Manipulativnye strategii diskursa nenavisti [Manipulative strategies of the discourse of hatred]. *Kritika i semiotika = Criticism and semiotics*, no. 7 (2004): 248–256.
27. Sossiur F. de. *Trudy po iazykoznaniiu* [Works on linguistics by Saussure F. de]. Moscow: Progress, 1977, 695.
28. Solov'ev V. S. *Sochineniia* [Compositions]. Moscow: Mysl', 1988, 892.
29. Derrida Zh. *O grammatologii* [About Grammatology]. Moscow: Ad Marginem, 2000, 540.
30. Kartsevskii S. O. Ob asimmetrichnom dualizme lingvisticheskogo znaka [On the asymmetric dualism of a linguistic sign]. Zvegintsev V. A. *Istoriia iazykoznaniiia XIX–XX vekov v ocherkakh i izvlecheniiaakh* [The history of linguistics of the XIX–XX centuries in essays and extracts]. 3rd ed. Moscow: Prosveshchenie, Part 2 (1965): 85–93.
31. Moréas G. Le fusil à pompe dans la police: une longue histoire. *Le Monde*. 09.12.2011. Available at: <http://moreas.blog.lemonde.fr/2011/12/09/le-fusil-a-pompe-dans-la-police-une-longue-histoire/> (accessed 23.09.2016).